

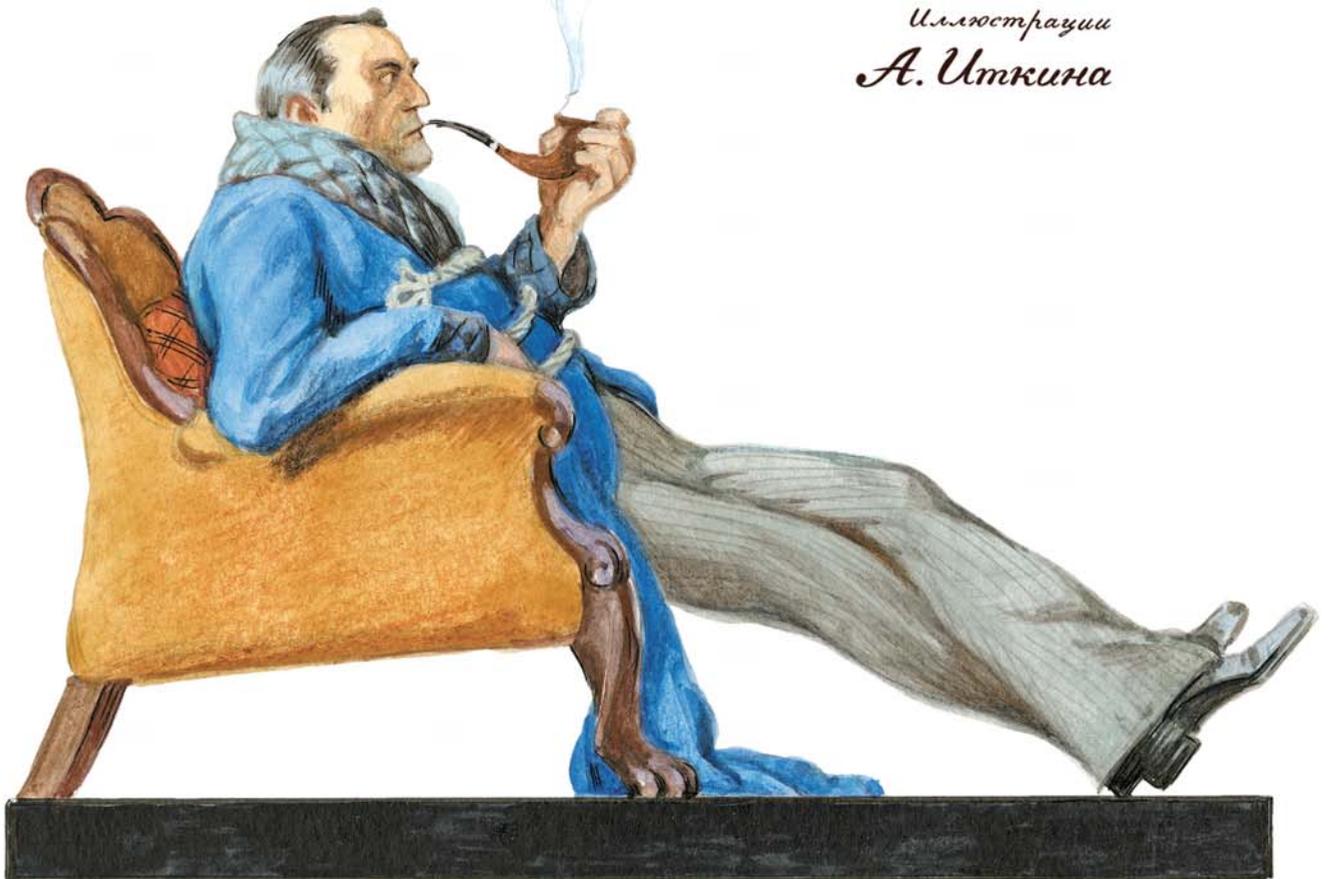

Артур Конан Дойл

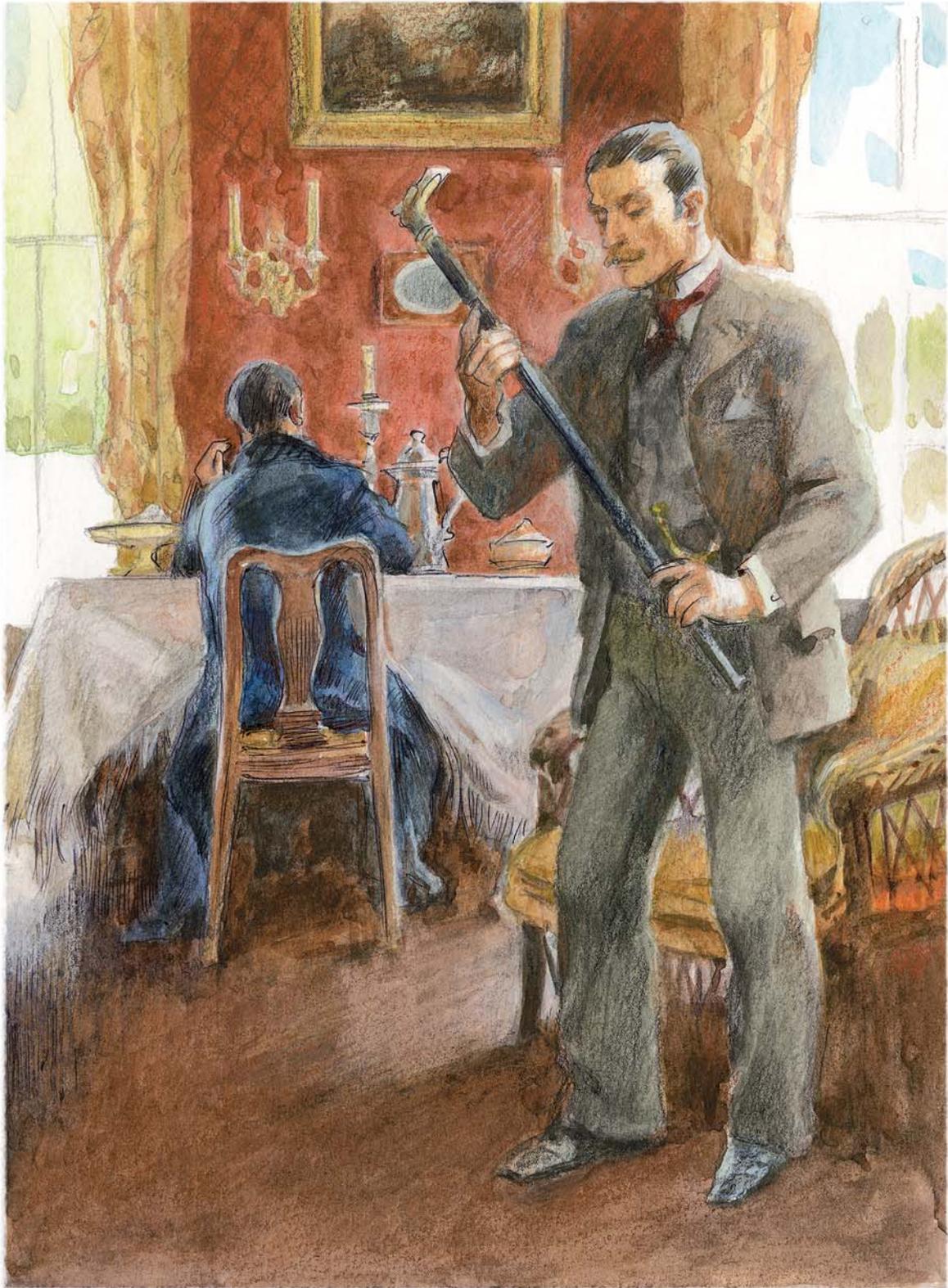
Собака Баскервильей

Повесть

*Иллюстрации
А. Уткина*

Москва
«Лабиринт Пресс»
2021

Мистер Шерлок Холмс

Мистер Шерлок Холмс сидел за столом и завтракал. Обычно он вставал довольно поздно, если не считать тех нередких случаев, когда ему вовсе не приходилось ложиться. Я стоял на коврике у камина и вертел в руках палку, забытую нашим вчерашним посетителем, хорошую толстую палку с набалдашником — из тех, что именуются «веским доказательством». Чуть ниже набалдашника было врезано серебряное кольцо шириной около дюйма. На кольце было начертано: «Джеймсу Мортимеру, Ч. К. Х. О., от его друзей по ЧКЛ» и дата: «1884». В прежние времена с такими палками — солидными, увесистыми, надёжными — ходили почтенные домашние врачи.

— Ну-с, Уотсон, какого вы мнения о ней?

Холмс сидел спиной ко мне, и я думал, что мои манипуляции остаются для него незаметными.

— Откуда вы знаете, чем я занят? Можно подумать, что у вас глаза на затылке!

— Чего нет, того нет, зато передо мной стоит начищенный до блеска серебряный кофейник, — ответил он. — Нет, в самом деле, Уотсон, что вы скажете о палке нашего посетителя? Мы с вами прозевали его и не знаем, зачем он приходил. А раз уж нам так не повезло, придётся обратить особое внимание на этот случайный сувенир. Обследуйте палку и попробуйте воссоздать по ней образ её владельца, а я вас послушаю.

— По-моему, — начал я, стараясь по мере сил следовать методу моего приятеля, — этот доктор Мортимер — преуспевающий медик средних лет, к тому же всеми уважаемый, поскольку друзья наделяют его такими знаками внимания.

— Хорошо! — сказал Холмс. — Превосходно!

— Кроме того, я склонен думать, что он сельский врач, а следовательно, ему приходится делать большие концы пешком.

— А это почему?

— Потому что его палка, в прошлом весьма недурная, так сбита, что я не представляю себе её в руках городского врача. Толстый железный наконечник совсем стёрся — видимо, доктор Мортимер исходил с ней немало миль.

— Весьма здравое рассуждение, — сказал Холмс.

— Опять же надпись: «От друзей по ЧКЛ». Я полагаю, что буквы «КЛ» означают клуб, вернее всего охотничий, членам которого он оказывал медицинскую помощь, за что ему и преподнесли этот небольшой подарок.

— Уотсон, вы превзошли самого себя! — сказал Холмс, откидываясь на спинку стула и закуривая папиросу. — Я не могу не отметить, что, описывая со свойственной вам любезностью мои скромные заслуги, вы обычно преуменьшаете свои собственные возможности. Если от вас самого не исходит яркое сияние, то вы, во всяком случае, являетесь проводником света. Мало ли таких людей, которые, не блистая талантом, всё же обладают недюжинной способностью зажигать его в других! Я у вас в неоплатном долгу, друг мой.

Я впервые услышал от Холмса такое признание и должен сказать, что его слова доставили мне огромное удовольствие, ибо равнодушие этого человека к моему восхищению им и ко всем моим попыткам предать гласности метод его работы не раз ущемляло моё самолюбие. Кроме того, я был горд тем, что мне удалось не только овладеть методом Холмса, но и применить его на деле и заслужить этим похвалу моего друга.

Холмс взял палку у меня из рук и несколько минут разглядывал её невооружённым глазом. Потом, явно заинтересовавшись чем-то, отложил папиросу в сторону, подошёл к окну и снова стал осматривать палку, но уже через увеличительное стекло.

— Не бог весть что, но всё же любопытно, — сказал он, возвращаясь на своё излюбленное место в углу дивана. — Кое-какие данные здесь, безусловно, есть, они и послужат нам основой для некоторых умозаключений.

— Неужели от меня что-нибудь ускользнуло? — спросил я не без чувства самодовольства. — Надеюсь, я ничего серьёзного не упустил?

— Увы, дорогой мой Уотсон, бóльшая часть ваших выводов ошибочна. Когда я сказал, что вы служите для меня хорошим стимулом, это, откровенно говоря, следовало понимать так: ваши промахи иногда помогают мне выйти на правильный путь. Но сейчас вы не так уж заблуждаетесь. Этот человек, безусловно, практикует не в городе, и ему приходится совершать большие концы пешком.

— Значит, я был прав.

— В этом отношении — да.

— Но ведь это всё?

— Нет, нет, дорогой мой Уотсон, не всё, далеко не всё. Так, например, я бы сказал, что подобное подношение врач, скорее всего, может получить от какой-нибудь лечебницы, а не от охотничьего клуба, а когда

перед лечебницей стоят буквы «ЧК», название «Чаринг-Кросская» напрашивается само собой.

— Возможно, что вы правы.

— Всё наводит на такое толкование. И если мы примем мою догадку за рабочую гипотезу, то у нас будут дополнительные данные для воссоздания личности нашего неизвестного посетителя.

— Хорошо. Предположим, что буквы «ЧКЛ» означают «Чаринг-Кросская лечебница». Какие же дальнейшие заключения можно отсюда вывести?

— А вам ничего не приходит в голову? Вы же знакомы с моим методом. Попробуйте применить его.

— Вывод очевиден: прежде чем уехать в деревню, этот человек практиковал в Лондоне.

— А что, если мы пойдём немного дальше? Посмотрите на это вот под каким углом зрения: почему ему был сделан подарок? Когда его друзья сочли нужным преподнести ему сообща эту палку в знак своего расположения? Очевидно, в то время, когда доктор Мортимер ушёл из лечебницы, решив заняться частной практикой. Ему поднесли подарок, это нам известно. Предполагается, что работу в лечебнице он сменил на сельскую практику. Будут ли наши выводы слишком смелыми, если мы скажем, что подарок был сделан именно в связи с его уходом?

— Это весьма вероятно.

— Теперь отметьте, что он не мог состоять в штате консультантов лечебницы, ибо это допустимо только врачу с солидной лондонской практикой, а такой врач вряд ли уехал бы из города. Тогда кем же он был? Если он работал там, не будучи штатным консультантом, значит, ему отводилась скромная роль куратора*, живущего при лечебнице, то есть немногим бóльшая, чем роль практиканта. И он ушёл оттуда пять лет назад — смотрите дату на палке. Таким образом, дорогой мой Уотсон, ваш солидный пожилой домашний врач испарился, а вместо него перед нами вырос весьма симпатичный человек около тридцати лет, нечестолюбивый, рассеянный и нежно любящий свою собаку, которая, как я приблизительно прикидываю, больше терьера, но меньше мастифа.

Я недоверчиво рассмеялся, а Шерлок Холмс откинулся на спинку дивана и пустил в потолок маленькие, плавно колеблющиеся в воздухе кольца дыма.

— Что касается последнего пункта, то тут вас никак не проверишь, —

---

* Куратор — младший медик, наблюдающий больных в клинике.

сказал я, — но кое-какие сведения о возрасте этого человека и его карьере мы сейчас отыщем.

Я снял со своей маленькой книжной полки медицинский справочник и нашёл нужную фамилию. Там оказалось несколько Мортимеров, но я сразу же отыскал нашего посетителя и прочёл вслух всё, что к нему относилось:

— «Мортимер Джеймс, с 1882 года член Королевского хирургического общества. Гримпен, Дартмур, графство Девоншир. С 1882 по 1884 год — куратор Чаринг-Кросской лечебницы. Удостоен премии Джексона по разделу сравнительной патологии за работу „Не следует ли считать болезни явлением атавистического порядка?“. Член-корреспондент Шведского патологического общества. Автор статей „Аномальные явления атавизма“ („Ланцет“, 1882), „Прогрессируем ли мы?“ („Вестник психологии“, март 1883). Сельский врач приходов Гримпен, Торсли и Хай-Бэрроу».

— Ни слова об охотничьем клубе, Уотсон, — с лукавой улыбкой сказал Холмс, — зато действительно сельский врач, как вы тонко подметили. Мои умозаключения правильны. Что же касается прилагательных, то, если не ошибаюсь, я употребил следующие: симпатичный, нечестолюбивый и рассеянный. Уж это я знаю по опыту — только симпатичные люди получают прощальные подарки, только самые нечестолюбивые меняют лондонскую практику на сельскую и только рассеянные способны оставить свою палку вместо визитной карточки, прождав больше часа в вашей гостиной.

— А собака?

— Была приучена носить поноску за хозяином. Эта палка не из лёгких, собака брала её посередине и крепко сжимала зубами, следы которых видны совершенно отчётливо. Судя по расстоянию между отметинами, для терьера такие челюсти слишком широки, а для мастифа узки. Возможно, что... Боже мой! Ну конечно, кокер-спаниель!

Говоря это, Холмс сначала расхаживал по комнате, потом остановился у оконной ниши. В его последних словах прозвучало такое твёрдое убеждение, что я недоумённо взглянул на него:

— Послушайте, друг мой, почему вы в этом уверены?

— По той простой причине, что я вижу собаку у наших дверей, а вот и звонок её хозяина. Не уходите, Уотсон, прошу вас. Вы же с ним коллеги, и ваше присутствие поможет мне. Вот она, роковая минута, Уотсон! Вы слышите шаги на лестнице, эти шаги врываются в вашу жизнь, но что они несут с собой — добро или зло, неизвестно. Что понадобилось человеку науки, доктору Джеймсу Мортимеру, от сыщика Шерлока Холмса?... Войдите.

Наружность нашего гостя удивила меня, ибо я рассчитывал увидеть типичного сельского врача. Доктор Мортимер оказался очень высоким, худым человеком с длинным носом, торчащим, словно клюв, между серыми, близко посаженными глазами, которые ярко поблёскивали за золотой оправой очков. Одет он был, как и подобает человеку его профессии, но с некоторой неряшливостью: сильно поношенный пиджак, обтрёпанные брюки. Он уже сутулился, несмотря на молодые годы, и странно вытягивал шею, благожелательно приглядываясь к нам. Как только наш гость вошёл в комнату, его взгляд тотчас же упал на палку в руках Холмса, и он с радостным криком потянулся за ней.

— Какое счастье! А я никак не мог вспомнить, где я её оставил, здесь или в паровой компании. Потерять такую вещь! Это было бы просто ужасно!

— Подарок? — спросил Холмс.

— Да, сэр.

— От Чаринг-Кросской лечебницы?

— Да, от тамошних друзей ко дню моей свадьбы.

— Ай-ай, как это скверно! — сказал Холмс, покачивая головой.

Доктор Мортимер изумлённо заморгал глазами:

— А что же тут скверного?

— Только то, что вы нарушили ход наших умозаключений. Значит, подарок был свадебный?

— Да, сэр. Я женился и оставил лечебницу, а вместе с ней и все надежды на должность консультанта. Надо было обзаводиться собственным домом.

— Ну вот видите, мы не так уж сильно ошиблись, — сказал Холмс. — А теперь, доктор Джеймс Мортимер...

— Что вы, что вы! У меня нет докторской степени, я всего лишь скромный член Королевского хирургического общества.

— И, по-видимому, человек научного склада ума?

— Я имею только некоторое отношение к науке, мистер Холмс, так сказать, собираю раковины на берегу необъятного океана познания. Если не ошибаюсь, я имею честь говорить с мистером Шерлоком Холмсом, а не с...

— Нет, доктор Уотсон вот — перед вами.

— Очень рад познакомиться, сэр. Ваше имя часто упоминается рядом с именем вашего друга. Вы меня чрезвычайно интересуете, мистер Холмс. Я никак не ожидал, что у вас такой удлинённый череп и так сильно

развиты надбровные дуги. Разрешите мне прощупать ваш теменной шов. Слепок с вашего черепа, сэр, мог бы служить украшением любого антропологического музея до тех пор, пока не удастся получить самый оригинал. Не считите это за лесть, но я просто завидую такому черепу.

Шерлок Холмс усадил нашего странного гостя в кресло.

— Мы с вами, по-видимому, оба энтузиасты своего дела, сэр, — сказал он. — Судя по вашему указательному пальцу, вы предпочитаете сами набивать папиросы. Не стесняйтесь, закуривайте.

Доктор Мортимер вынул из кармана табак и с поразительной ловкостью набил папиросу. Его длинные, чуть дрожащие пальцы двигались проворно и беспокойно, как щупальца у насекомого.

Холмс сидел молча, но быстрые, мимолётные взгляды, которые он бросал на нашего занятого собеседника, ясно говорили о том, что этот человек сильно интересуется его.

— Я полагаю, сэр, — начал он наконец, — что вы оказали мне честь своим вчерашним и сегодняшним посещением не только ради обследования моего черепа?

— Нет, сэр, конечно нет! Правда, я счастлив, что мне представилась такая возможность, но меня привело к вам совсем не это, мистер Холмс. Я человек отнюдь не практической складки, а между тем передо мной внезапно встала одна чрезвычайно серьёзная и чрезвычайно странная задача. Считая вас вторым по величине европейским экспертом...

— Вот как, сэр! Разрешите полюбопытствовать, кто имеет честь быть первым? — довольно резким тоном спросил Холмс.

— Труды господина Бертильона внушают большое уважение людям с научным складом мышления.

— Тогда почему бы вам не обратиться к нему?

— Я говорил, сэр, о научном складе мышления, но как практик вы не знаете себе равных — это признано всеми. Надеюсь, сэр, что я не позволил себе излишней...

— Так, самую малость, — ответил Холмс. — Однако, доктор Мортимер, я думаю, что вы поступите совершенно правильно, если сейчас же, без дальнейших отступлений, расскажете мне, в чём состоит дело, для решения которого вам требуется моя помощь.

ГЛАВА II

Проклятие рода Баскервильей

— У меня в кармане лежит один манускрипт, — сказал доктор Джеймс Мортимер.

— Я заметил это, как только вы вошли, — сказал Холмс.

— Манускрипт очень древний.

— Начало восемнадцатого века, если только не подделка.

— Откуда вам это известно, сэр?

— Разговаривая со мной, вы всё время показываете мне краешек этого манускрипта дюйма в два шириной. Плох же тот эксперт, который не сможет установить дату документа с точностью до одного-двух десятилетий. Вам, может быть, приходилось читать мой небольшой труд по этому вопросу? Я датирую ваш манускрипт тысяча семьсот тридцатым годом.

— Точная дата — тысяча семьсот сорок второй. — Доктор Мортимер вынул рукопись из бокового кармана пиджака. — Эта фамильная реликвия была отдана мне на сохранение сэром Чарльзом Баскервилем, внезапная и трагическая смерть которого так взволновала весь Девоншир три месяца назад. Я считал себя не только врачом сэра Чарльза, но и его личным другом. Это был человек властный, умный, весьма практический и отнюдь не фантазёр, как ваш покорный слуга. И всё же он относился к этому документу очень серьёзно и был подготовлен к тому концу, который его постиг.

Холмс протянул руку, взял манускрипт и расправил его на коленях.

— Уотсон, присмотритесь к написанию буквы «д». Это одна из тех особенностей, которые помогли мне установить дату документа.

Я глянул через его плечо на пожелтевшие листы с полустёртыми строками. Вверху страницы было написано: «Баскервиль-холл», а ниже стояли крупные, размашистые цифры: «1742».

— Это, по-видимому, какая-то запись.

— Да, запись одного предания, которое живёт в роду Баскервильей.

— Но, насколько я понял, вы пришли посоветоваться со мной по вопросу более практическому и более близкому к нам по времени.

— Да, животрепещуще близкому! Он не терпит отлагательств, его надо решить в течение суток. Рукопись совсем короткая, и она имеет непосредственное отношение к делу. С вашего позволения, я прочту её вам.

Откинувшись на спинку кресла, Холмс сомкнул концы пальцев и с видом полной покорности судьбе закрыл глаза. Доктор Мортимер повернулся

к свету и высоким скрипучим голосом начал читать нам следующую любопытную повесть древних времён:

— «Много есть свидетельств о собаке Баскервилей, но, будучи прямым потомком Хьюго Баскервиля и будучи наслышан о сей собаке от отца своего, а он — от моего деда, я положил себе записать сию историю, в подлинности коей не может быть сомнений. И я хочу, дети мои, чтобы вы уверовали, что высший судия, наказующий нас за прегрешения наши, волен и отпустить их нам с присущим ему милосердием и что нет столь тяжкого проклятия, коего нельзя было бы искупить молитвой и покаянием. Так предайте же забвению страшные плоды прошлого, но остерегайтесь грешить в будущем, дабы снова всем нам на погибель не даровать свободу тёмным страстям, причинившим столько зла всему нашему роду.

Знайτε же, что во времена Великого мятежа (историю его, написанную лордом Кларендоном, мужем большой учёности, я всячески советую вам прочесть) владельцем поместья Баскервиль был Хьюго, того же рода, и этого Хьюго можно со всей справедливостью назвать человеком необузданным, нечестивым и безбожным. Соседи простили бы ему все его прегрешения, ибо святые никогда не водились в наших местах, но в натуре Хьюго была склонность к безрассудным и жестоким шуткам, что и сделало имя его притчей во языцех во всём Девоне. Случилось так, что этот Хьюго полюбил (если только можно назвать его тёмную страсть столь чистым именем) дочь одного фермера, земли коего лежали поблизости от поместья Баскервилей. Но юная девица, известная своей скромностью и добродетелью, страшилась одного его имени и всячески его избегала. И вот однажды, а это было в Михайлов день, Хьюго Баскервиль отобрал из своих товарищей шестерых, самых отчаянных и беспутных, прокрался к ферме и, зная, что отец и братья девицы находятся в отлучке, увёз её. Вернувшись в Баскервиль-холл, он спрятал свою пленницу в одном из верхних покоев, а сам, по своему обычаю, стал пировать с товарищами. Несчастная чуть не лишилась ума, слыша пение, крики и страшные ругательства, доносившиеся снизу, ибо, по свидетельству тех, кто знал Хьюго Баскервиля, он был столь несдержан на язык во хмелю, что, казалось, подобные богохульные слова могут испепелить человека, осквернившего ими уста свои. Под конец страх довёл девицу до того, что она отважилась на поступок, от коего отказался бы и самый ловкий и смелый мужчина, а именно: выбралась на карниз, спустилась на землю по плющу, что оплетал (и по сию пору оплетает) южную стену замка, и побежала через болото в отчий дом, отстоявший от баскервильского поместья на три мили.